

Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов?

МАРИЯ ЕРОФЕЕВА

Старший научный сотрудник, Международный центр современной социологической теории, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); научный сотрудник, Центр социологических исследований, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: malutcasnos@gmail.com.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория; объектно-ориентированная социология; объектно-ориентированная онтология; поворот к материальному; объект; технология; Бруно Латур; Грэм Харман.

В статье соотносятся различные способы концептуализации объекта в акторно-сетевой теории (АСТ). В противоположность трактовке Грэма Хармана аргументируется, что в АСТ объекты рассматриваются как траектории, а их материальное воплощение — как создаваемые траекториями события, что позволяет говорить о самоожесточенности объекта. Это понимание объектности соотносится с концептуализацией объектов как институтов и проектов, представленной в акторно-сетевых исследованиях социотехнических артефактов. Фазы проекта отражают различные формы существования объекта, апогеем которого является объект-институт — технология, встроенная в коллективную жизнь. Институт и проект представляют, соответственно, актантное и темпоральное измерения делегирования, то есть способности отсутствовать и при этом совершать действие, что обозначается как свернутое присутствие в объекте. В такой концептуализации объекты наделяются относительным бытием, зависящим

от систем отношений, в которые они включены.

Для поиска объяснительной модели, лежащей в основе анализа всех типов объектов, автор обращается к проблеме технологии как «привилегированного объекта» для АСТ. На основе работ Бруно Латура по антропологии нововременных демонстрируется, что технологические объекты являются гибридами (квазиобъектами), которые производят другие типы объектов (природные и социальные), что может обосновывать их привилегированность. В то же время подчеркивается, что конститутивной чертой технологий является не материальность, а специфический характер свернутого присутствия, который делает видимым только технологический объект, но не саму технологию. Автор приходит к выводу, что технология не может являться привилегированным объектом. Вместо этого она сама подчиняется определенной логике анализа, которая заключается в описании процесса медиации — связи между действиями различных акторов.

Эта школа [АСТ] обратила на себя внимание в первую очередь потому, что это объектно-ориентированная социология для объектно-ориентированных людей.

Бруно Латур. Пересборка социального

Между агентностью и материальностью: заметки о популярности акторно-сетевой теории

ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ теории подобны слухам: они распространяются со скоростью света, но содержащиеся в них идеи искажаются, разрываются на цитаты, выхолащиваются до банальных фраз. *Grande idée* акторно-сетевой теории (далее — АСТ), как она была воспринята, можно сформулировать очень просто: «Вещи тоже действуют!» Почему именно идея об агентности вещей стала визитной карточкой АСТ? Если отвлечься от всех деформаций, можно заметить, что АСТ оказала большое влияние на современную теорию действия. В спор между каузалистами и интенционалистами вклинился неожиданный аргумент: оба типа причинности характеризуют действие *вообще*, совершают ли его люди или не-человеки (*non-humans*)¹. В резуль-

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Исследование стратегий социологического объяснения: механизмы теоретической рефлексии, когнитивные стили, новые концептуализации. Анализ актуальных дискуссий в эпистемологии социологического знания» (Центр социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ, 2016).

1. Каузальный, или позитивистский, подход к исследованию действия предполагает, что человеческое действие — это специфический вид природного события, который нужно объяснять с помощью универсальных законов. Интенционалистский подход, напротив, отстаивает специфичность человеческого действия и методов его изучения. Подробнее об этом споре и иных стратегиях его разрешения см. в: *Степанцов П. М.* Теоретические стратегии исследования социального действия: каузальное объяснение vs понимание смысла // *Социология власти.* 2015. № 4. С. 15–50. Грэм Харман считает, что латуровская теория причинности (он называет ее доктриной локального окказионализма) — величайшее достижение Латюра в философии (*Харман Г.* Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // *Логос.* 2014. № 4 (100). С. 242–247). Виктор Вахштайн показывает, что объединение различных типов причинности в одном объекте (актан-

тате интенциональная способность действия была распространена на материальные объекты. Когда сфера исследования социального действия начинает охватывать «неинтенциональные» сущности, это наводит на мысли о возвращении действия в социологию с новой армией.

Была провозглашена социология, *ориентированная на объекты*. Ведь теперь действуют не только люди, но и тостеры, компьютеры, велосипеды и велодорожки. Под объектом в первом приближении понималась материальная вещь. Нам открылся дивный новый мир, в котором полная доза бытия была гарантирована даже консервным банкам². Исследователи, с энтузиазмом бросившиеся возрождать материальность в социологических описаниях, только со временем осознали, что АСТ, возможно, не лучший выбор для этого предприятия, потому что объекты, на которые она ориентирована, чуть менее чем материальны.

Теперь уже ни для кого не секрет, что перестановка отношений между социальным и материальным не входила в список задач АСТ³. Почему в таком случае АСТ считается одним из главных инициаторов поворота к материальному? Дело в том, что они какое-то время развивались в одном направлении, прежде чем АСТ повернула «от материального». Этот общий путь — эмансипация материальных объектов от социального объяснения⁴. Однако они практически сразу расходятся. С одной стороны, АСТ действительно принимает во внимание материальные объекты; с другой стороны, они интересны лишь тогда, когда обладают способностью к действию. Статус объекта является подчиненным по отношению к статусу актора. Если для поворота к материальному «*вещи тоже действуют*», то для АСТ «*вещи тоже действуют*». Этот разрыв, пока еле заметный, имеет решающее значение.

На волне поиска новой объектности в социологии и философии (представленного в том числе поворотом к материальному)

те) — следствие трансформации идей Дэвида Блура. См.: Вахштайн В. С. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 41–78.

2. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re.press, 2009. P. 32.
3. Обоснование этого тезиса см. в: Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 17–36.
4. Вахштайн В. С. «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. 2015. № 1. С. 8–16.

заново встает вопрос о статусе объекта в АСТ⁵. Объектно-ориентированная социология, о которой пишет Латур в «Пересборке социального»⁶, не приобретет очертаний, пока не будет прояснено, как понимается объект в АСТ. В данной статье мы рассмотрим основные линии концептуализации объектности в АСТ; попробуем найти исследовательскую логику, лежащую в основе анализа всех типов объектов («привилегированный объект»), и определить ее отношение к субъект-объектной схеме; отдельно обратимся к вопросу о материальности объектов.

Объект в акторно-сетевой теории

Что же такое объект? Когда Джон Ло говорит о том, что в АСТ «есть предельно конкретный ответ на этот вопрос»⁷, он немного лукавит, потому что ответ этот, в лучших традициях АСТ, множественен. С одной стороны, объект может рассматриваться как институт, точнее, «объект-институт». Эта формулировка кажется странной с учетом того, что теоретики АСТ пытаются обновить словарь классической социологии. В логике АСТ понятие института не может использоваться для объяснения:

Чтобы определить объекты как институты... нужно знать... что такое институт. Сложность заключается в том, что мы не можем полагаться на то, как социальная теория определяет эти поня-

5. Понятие объекта не является центральным для акторно-сетевой теории, но становится таковым для философского течения объектно-ориентированной онтологии (ООО), во многом инспирированного АСТ. Грэм Харман говорит об объектах и актантах/акторах как о синонимах (см.: *Harman G.* Op. cit. P. 5), однако эта синонимия требует обоснования. Различение между актором и актантом появляется в поздней АСТ и основано на наличии/отсутствии фигурации. Если актант — это неопределенная сила, производящая действие, то актор — это сила, наделенная фигурацией. Анализ этого различия будет посвящена одна из последующих публикаций автора.
6. См. эпиграф к данной статье в: *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 105. Выражение «объектно-ориентированная социология», хоть и было использовано Латуром, во многих критических текстах употребляется с отсылкой к объектно-ориентированной онтологии Хармана, которую необходимо применить в социологии. См., напр.: *Pierides D., Woodman D.* Object-oriented Sociology and Organizing in the Face of Emergency // *The British Journal of Sociology.* 2012. Vol. 63. № 4. P. 662–679.
7. *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30.

тия [коллектив, институт, корпоративное тело], поскольку для многих социологов социальный порядок — источник объяснения, а не то, что нуждается в объяснении⁸.

О чем в таком случае говорит используемое по отношению к объекту понятие института?

В примере Латура самолет является объектом лишь до тех пор, пока связывает два аэропорта через работу авиалинии. Перемещение становится возможным благодаря существованию устойчивых отношений между инженерами, менеджерами, обслуживающим персоналом аэропорта, взлетными полосами, самими самолетами и т. д. Что интересно, перемещение осуществляет самолет, тогда как инженеры, менеджеры и прочие *отсутствуют*. Работа по перемещению была делегирована технологическому артефакту. Следовательно, объект-институт — это материальный технологический объект (Латур называет самолеты, моторы и автопилоты), задача которого — создавать отсутствие. Эта задача решается с помощью делегирования, после чего технология может работать (относительно) самостоятельно. Суффикс «институт» добавляется к объекту, чтобы показать, что он содержит в себе сложную систему отношений. Создание отсутствия на самом деле означает создание присутствия, точнее, эффекта присутствия: инженеры отсутствуют, но работа осуществляется, *как если бы* они ее совершали. Отсутствие подразумевает присутствие в свернутом виде.

По мере развития текста Латур дает другой ответ на вопрос, что значит выражение «объект-институт». Оно относится уже не к материальному объекту, а к тому, что он называет корпоративным телом (*corporate body*), или институтом. Материальный объект сам по себе не институт, а часть института. Если он не является частью института, он нереален, не существует. Латур утверждает:

Объекты, существующие просто в качестве объектов, завершёнными, не являющимися частью коллективной жизни, неизвестны, погребены под землей. *Реальные объекты всегда являются частями институтов*⁹.

Самолет — это всего лишь груда металла. Реальный объект — это не просто груда металла с крыльями, а груда металла плюс вся

8. Latour B. On Technical Mediation // Common Knowledge. 1994. Vol. 3. № 2. P. 49.

9. Ibidem. Курсив мой. — М. Е.

дифференцированная система отношений, которая поднимает ее в воздух. Единственное, что заставляет нас считать именно материальный самолет объектом, — то, что эта система отношений не видна (отсутствует), когда мы сидим в салоне.

Итак, объект есть часть института, или корпоративного тела. Но что такое этот институт? Когда мы начинаем искать ответ, мы сталкиваемся с тем, что они неотделимы друг от друга:

...современный коллектив — это такой, в котором отношения людей и не-человеков настолько близкие, транзакций так много, медиации такие запутанные, что ни в каком возможном (*plausible*) смысле нельзя различить артефакт, корпоративное тело и субъект¹⁰.

Понятия института и объекта снова схлопываются до объекта-института. Сказать, что объект является частью института, — то же самое, что сказать, что объект является институтом. Именно поэтому можно говорить о содержащихся в самом объекте отношениях *в свернутом виде*. Объекты и институты можно различить только по масштабу¹¹.

Институциональное понимание объекта хотя и значительно отличается от классического социологического, но так же не позволяет практически ничего сказать об объектах. Объект определяется как часть института, но часть не может быть отделена от целого, а целое определяется как совокупность своих частей (отношений между людьми и вещами). Получается замкнутый круг в определении. Если и объекты, и институты определяются через совокупность своих связей, то в чем их отличие, почему объект — это часть, а институт — это целое (и целое ли?). Очевидно, что эта неразличимость создается сознательно, с целью снятия дихотомии между человеческим (социальным) и не-человеческим (материальным, техническим), и ответ на вопрос, что такое объект в АСТ, следует поискать где-то еще¹².

Рассмотрим другой вариант: объект можно понимать как проект. Это означает, что он постоянно изменяется, переходит из одной фазы в другую. Эти фазы различаются по степени реализации.

10. *Idem*. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 197.

11. Однако это различие не является значимым, потому что масштабирование осуществляется акторами, то есть самими объектами-институтами.

12. Собирательное понятие коллектива, в котором объединяются объекты и институты, может служить здесь ориентиром.

В самом начале объект и проект совпадают; чем ближе к реализации проекта, тем дальше он отстоит от объекта. Проанализируем эту динамику на примере исследования Латуром нереализованного проекта автоматизированной системы метро ARAMIS:

Вначале нет различия между проектами и объектами. Оба циркулируют из офиса в офис в форме бумаг, планов, докладных, речей, макетов и нерегулярных синопсисов. Здесь мы в царстве знаков, языка, текстов. В конце концов люди... оказываются теми, кто циркулирует внутри объекта. Коперниканская революция. Разверзлась бездна между миром знаков и миром вещей. <...> В сущности, инженеры... постепенно переходят от одного из этих наборов к другому¹³.

В приведенном отрывке показана траектория, ведущая от *текстуального проекта* к *технологическому объекту*¹⁴. Проект по определению фиктивен (поскольку не существует до того, как его придумали и написали), но содержит в себе потенциал становления объектом. На ранних этапах реализации объект существует в форме текстов, рисунков, макетов — в той же самой форме, в которой существует и проект, что дает возможность не различать между ними. По мере реализации объект медленно отделяется от проекта, приобретает собственное существование в форме технологии. Если проект терпит неудачу, содержащийся в нем потенциально объект не меняет свою текстуальную форму существования, то есть ничем не отличается от проекта, становится фикцией.

Можно сказать, что для институционального понимания объекта наиболее значимым является актантное измерение, тогда как проектное сфокусировано на темпоральности объекта¹⁵. Объекты никогда не существуют сами по себе, они всегда являются частью проекта. В жизненном цикле проекта мало объектов, зато много идей, встреч, согласований, бумаг, обсуждений и споров. Сущность объектов — в динамике их существования. Даже самые

13. *Idem.* Aramis, Or the Love of Technology. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1996. P. 24. Курсив мой. — М. Е.

14. Hansen M. Embodying Technesis. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 43.

15. Терминология заимствована из статьи Латура *Trains of thought*, в которой он вводит понятие актантного измерения, то есть той связи между актантами, которая в каждый момент времени и в каждой точке пространства обеспечивает их работу (*Latour B. Trains of Thought: Piaget, Formalism and the Fifth Dimension // Common Knowledge. 1997. Vol. 6. №. 3. P. 170–191*).

статичные с виду вещи, как, например, архитектура, должны быть представлены как движение, серия трансформаций:

...здание — это не статичный объект, а движущийся *проект*. <...> Однажды построенное, оно ветшает, трансформируется своими пользователями, модифицируется всем, что случается внутри и вовне¹⁶.

Превращение проекта в объект — потенциально реверсивное преобразование. Жизненная траектория объекта может сложиться таким образом, что он вернется в форму проекта. Так, *ARAMIS* никогда не стал объектом:

ARAMIS не существовал в достаточной степени. <...> *ARAMIS* был строительной площадкой на севере Парижа; три или четыре года спустя — домом для бедняков; затем прилизанным вагоном в Музее транспорта¹⁷.

Британский военный самолет *TSR-2* — аналогично¹⁸. По выражению Латура, бытие объектом — это только мгновение [в жизни проекта]. Существование объекта предполагает успех проекта, а успех проекта означает создание объекта-института:

И даже если бы он когда-то начал существовать в качестве транспортной системы, *ARAMIS* был бы не объектом, а институтом, корпоративным телом¹⁹.

Очевидно, что характеристики объектов как проектов и институтов тесно связаны между собой. Апогеем проекта является не просто объект, а объект-институт, работа которого зависит от многочисленных связей с отсутствующими здесь-и-сейчас людьми и местами. Автомат по продаже билетов — бессмысленный ящик, если

16. Latour B., Yaneva A. Give Me a Gun and I Will Make All Buildings Move // Explorations in Architecture / R. Geiser (ed.). Basel: Birkhaeuser, 2008. P. 80.

17. Latour B. On Technical Mediation. P. 49. Курсив автора.

18. Law J. Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience. Durham NC: Duke University Press, 2002. Джон Ло, в отличие от Латура, не просто показывает траекторию технологического объекта, а проблематизирует статус такого рода диахронического нарратива. Идею (и ее реализацию) о том, что технологию и другие социальные образования нужно представлять в форме проектов, он называет «проект-ностью» (*project-ness*). Работа Ло предлагает метакомментарий по поводу такого рода концептуализации объектов.

19. Latour B. On Technical Mediation. P. 49. Курсив мой. — М. Е.

он не подключен и не настроен людьми, которых нет в момент покупки. Концептуализация через проект подчеркивает процесс налаживания этой делегированной работы во времени, начиная от чертежей и заканчивая периодическими починками. Их общим знаменателем является делегирование, то есть способность отсутствовать и при этом совершать действие, которую мы обозначили как свернутое присутствие в объекте.

Концептуализация объекта как института и проекта может быть вписана в более обширную концептуализацию событий (*events*) и траекторий (*trajectories*). Грэм Харман указывает на то, что это различие появляется в работе «Нового времени не было» и справедливо для всех сущностей (актантов, объектов)²⁰. С одной стороны, любая сущность есть уникальное событие (в смысле свершения, достижения), созданное работой множества акторов. В результате экспериментов Роберта Бойля с воздушным насосом «создается новый Бойль, новая природа, новая теология чудесного, новая социабельность ученого, новое общество»²¹. Все названные «новые» феномены — это события, появление которых зависело от динамики отношений между различными участниками. Когда события «сбываются», эти отношения «оседают» в них, сохраняются в свернутом виде. Актанты как события — это сформированные институты.

20. *Harman G.* Op. cit. P. 64–65. В русском переводе «Нового времени не было», который осуществлялся с французского оригинала (*Latour B.* *Nous n'avons jamais été modernes.* P.: La Découverte, 1991), отсутствуют некоторые дополнения, которые Латур внес в английский перевод. В частности, в нем отсутствует ключевая для нашего анализа фраза: «Каждая сущность — это событие» (*Each entity is an event*). См.: *Idem.* *We Have Never Been Modern.* N.Y.: Harvester, 1993. P. 81. Далее в тексте находим призыв рассматривать все сущности как траектории: «И разве слишком много будет потребовать от наших споров, чтобы начиная с этого момента мы наряду с долгой обсуждаемых единиц сущего точно указывали их широту и рассматривали все сущности (*essences*) как траектории?» См.: *Латур Б.* *Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии.* СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. С. 159.

Словарь философской части АСТ сильно тяготеет к абстракции. В частности, в книге «Нового времени не было» Латур пользуется словом «сущности» (*entities*) для обозначения актантов, которых Харман называет объектами. В словаре конкретных исследований социотехнических артефактов слово «объект» обладает значением, которое может быть вписано в более обширную систему различий. В связи с этим в статье при рассмотрении философских работ по АСТ слова «сущность», «актант» и «объект» (в хармановском понимании) употребляются как синонимы, выстраивающие эту систему.

21. Там же. С. 152.

С другой стороны, актанты могут быть описаны через динамику их отношений, как траектории. Вакуум, который создается Бойлем в лаборатории, последовательно проходит несколько стадий: искусственного образования, замкнутого в пределах лаборатории; рукотворного артефакта, все более освобождающегося от человека; репрезентации внешней реальности; самой внешней реальности, природы вещей. Объект нельзя приравнять ни к одному из этапов его существования. Латур резюмирует:

Что же тогда вакуум? Ничто из вышеперечисленного. *Сущность (essence) вакуума — это траектория, соединяющая все эти позиции.* Иначе говоря, сопротивление воздуха имеет свою историю²².

Онтология объектов изменяется от фазы к фазе, приобретая (или утрачивая) реальность. Сущности как траектории — это разворачивающиеся проекты.

Харман указывает на противоречивость одновременной концептуализации объектов как событий и траекторий. События уникальны и существуют только в конкретном пространстве и времени. Любое изменение в совокупности связей между элементами, формирующими данное событие, ведет к появлению нового события. Теоретически даже потеря волоска создает совершенно другое событие. В свою очередь, траектории соединяют различные пространства и времена и никогда не могут быть схвачены в единичном мгновении. Траектории — это серии трансформаций объекта. Получается, объекты как уникальные события постоянно размываются своими траекториями. Траектории уничтожают события.

Парадокс определения объекта одновременно как события и траектории имеет серьезные последствия, на которые обращает внимание Харман. У объектов, описываемых таким образом, не может быть самостоятельной сущности. Объекты изменяются каждую секунду, точнее, каждую секунду создаются новые объекты. Траектория — это не линия трансформации одного объекта, а последовательная смена одного объекта другим. Нет никакого противоречия в том, чтобы сказать, что Латур гарантирует полную дозу бытия даже консервным банкам, а потом показать, что «консервная банка» — это траектория множества консервных банок.

22. Там же. С. 158. Курсив автора.

Этот парадокс может быть смягчен, если скорректировать интерпретацию Хармана. Для Хармана понятие траектории является деривативным по отношению к событию, что не является справедливым для Латура. В работе «Нового времени не было» о событиях говорится только по отношению к истории: «История делает что-то. Каждая сущность — это событие»²³. Означает ли это, что история создает события? Далее можно найти следующую подсказку: «Каждый из актантов обладает единственным в своем роде следом²⁴ в пространстве, которое таким образом разворачивается»²⁵. Актанты изменяются, но их предшествующие состояния не пропадают безвозвратно, а оставляют следы. Следы уникальны и принадлежат единичному пространству-времени, то есть обладают теми же характеристиками, что и события. Совокупность следов формирует движение в пространстве и времени (траекторию). Следовательно, события — это следы, которые оставляют актанты, двигаясь по своим траекториям. События деривативны по отношению к траекториям, а не наоборот²⁶. Это дает возможность говорить о самоидентификации объекта как траектории, хотя она и зависит от систем отношений, в которые вступает актант. В этом смысле Латур действительно возвращает вещи в социологическую теорию, но их бытие относительно.

Дискуссия о привилегированном объекте

Итак, все актанты могут быть описаны по единой модели как институты и проекты, события и траектории. Что это за модель? Когда мы анализировали концептуализацию объектов как институтов и проектов, можно было заметить одну любопытную особенность: все описания производились по отношению к *технологическим объектам* (самолетам, метро, лабораторному оборудованию). Именно технологии рассматривались как проекты, которые могли стать объектами и институтами. Именно технологиям делегировалась работа, которую они могли воспроизводить

23. Latour B. We Have Never Been Modern. P. 81.

24. В английском переводе используется слово *signature*.

25. Латур Б. Нового времени не было. С. 159.

26. Эта трактовка подтверждается также предпринятым нами выше анализом объектов как проектов. Дополнительное подтверждение можно найти в дискуссии Латура с Харманом, где Латур говорит о том, что у любого единичного события есть вектор, предвосхищающий его будущие состояния. См.: Latour B. et al. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE. Ropley: Zero Books, 2011. P. 105–107.

в отсутствии людей. Неоднозначные отношения между объектом и институтом, объектом и проектом во всех случаях предполагают соединение человеческого и не-человеческого. Два названных измерения вместе формируют «предельно конкретный» ответ, что такое объект для АСТ: это социотехнический ассамбляж, то есть люди и технологии, связанные многочисленными отношениями друг с другом.

Если принять во внимание, что *любые* объекты могут описываться как события и траектории (аргумент Хармана), можно предположить, что логика анализа технологий была перенесена на изучение других объектов²⁷. Эта точка зрения оспаривается. Акторно-сетевые исследования были посвящены не столько технологическим объектам, сколько производству научного факта. Почему тогда именно технология должна рассматриваться в качестве «привилегированного объекта»?²⁸ В целом аргументы в пользу этой версии сводятся к тому, что в сложившейся социокультурной ситуации (бурное технологическое развитие и его последствия) технология обратила на себя всеобщее внимание. Вместе с тем она являлась еще и наиболее наглядным примером взаимного действия людей и не-человеков²⁹. На фоне общего «поворота к технологии» в исследованиях науки и технологии³⁰ в АСТ осуществляются многочисленные исследования материальных технологических артефактов, ставшие впоследствии моделью для анализа разного рода объектов³¹.

Если отнестись к проблеме привилегированного объекта серьезно, нужно спросить, во-первых, почему именно этот объект является привилегированным, во-вторых, что дает его предпочтение для возможностей (и, соответственно, ограничений) языка описания? Разумеется, эти вопросы связаны. Однако разделение

27. Такое предположение сделал Виктор Вахштайн (*Вахштайн В. С.* К микро-социологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // *Логос*. 2013. № 2 (92). С. 3–37).
28. *Константинова М. В.* Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий // *Социология власти*. 2015. № 1. С. 90–107.
29. См.: *Напреенко И. В.* Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // *Социология власти*. 2015. № 1. С. 108–121.
30. *Woolgar S.* The Turn to Technology in Social Studies of Science // *Science, Technology, & Human Values*. 1991. Vol. 16. № 1. P. 20–50.
31. Наиболее известный пример см. в: *Latour B.* Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts // *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* / W. Bijker, J. Law (eds). Cambridge: MIT Press, 1992. P. 225–258.

представляется продуктивным, потому что дискуссия вокруг этой проблемы разворачивается между ними. Критика технологии как привилегированного объекта начинается и заканчивается вопросом о его привилегированности и приходит к выводу, от которого исходил первичный посыл проблемы: этот способ описания позволяет анализировать материальность материальных объектов³². В итоге вопрос о возможностях и ограничениях остается за занавесом.

Для анализа названных вопросов по отдельности допустим, что технологии действительно являются привилегированным объектом в АСТ. Согласимся с одним из диспутантов, что это не проблема, а решение³³. Но решение чего? Если «техноцентризм» АСТ — это не симптом, а лекарство, то от какой болезни? Какая логика была перенесена на изучение объектов в целом? В предыдущем разделе мы заметили определенную неразличимость категорий объекта и института, объекта и проекта. Во всех случаях она подразумевала неразрывную взаимосвязь между социальным (человеческим) и не-социальным (не-человеческим). Для чего нужна такая концептуализация, которая больше смешивает, чем различает? За этим вопросом начинает просвечивать третья, прагматическое значение объекта, лежащее в основе рассмотренных выше концептуализаций.

В работе «Нового времени не было» Латур рисует картину великого разрыва, характерного для философии и мышления Нового времени. Это разрыв между полюсом природы (объекта) и общества (субъекта), поддерживаемый определенной конфигурацией

32. Ср. концовки в текстах обоих авторов. «Исследования технологий образуют наш взгляд на вездесущие материальные объекты, не только поддерживающие стабильность социальных взаимодействий, но и непосредственно в них участвующие» (*Вахштайн В. С.* К микросоциологии игрушек. С. 37). «Мышление о материальных объектах по аналогии с техническими удерживает нас от возвращения к метафорическому способу анализа материальности (в котором технология подменяется технокультурой, текстом или релевантными группами, а материальные объекты — объектами социологии)» (*Константинова М. В.* Указ. соч. С. 103).
33. Там же. Для теоретического тезиса нет никакого противоречия в том, чтобы быть одновременно проблемой и решением. Решение одной проблемы неизбежно влечет за собой целую вереницу других. В этом смысле критика техноцентризма в АСТ так же обоснована, как и ее апология. Хороший пример подобной критики см. в: *Напреенко И. В.* Указ. соч. Мышление объектов по модели технологии позволяет акцентировать материальность мира, но только определенным образом — через отношения принуждения.

практик очищения (*purification*) и медиации (*mediation*). Практики медиации объединяют не-человеческие сущности с людьми и образуют гибриды, тогда как практики очищения разделяют гибридные сущности на различимые части: природу и общество. Без интереса в новых комбинациях (то есть в медиации) нет никакого смысла в разделении существующих сущностей на новые части. Равным образом без новых очищений медиация должна замедлиться или вовсе остановиться, потому что возможно только ограниченное количество комбинаций на основе конечного набора элементов. Вместе с этим названные практики должны оставаться разделенными, чтобы не воспринимались негативные последствия умножения гибридов.

Возникновение субъект-объектной дихотомии — следствие практик очищения. Все гибриды, которые создаются практиками медиации, раскладываются по полочкам природного и социального: это физические вещи, не зависящие от нас *объекты*, а это общество, или культура, состоящая из автономных *субъектов*. Но наступает кризис. Гибридов становится слишком много, чтобы можно было продолжать игнорировать их последствия. Атомное оружие, геновая инженерия, исследования стволовых клеток, трансплантация органов — вот лишь короткий список того, что произведено практиками медиации науки с природой. Наука Нового времени не способна контролировать этих гибридных «монстров», так как она отрицает работу медиации. Следовательно, необходимо переосмыслить модернизм, чтобы взять их под контроль. Переосмысление Нового времени предполагает вписывание практик медиации в субъект-объектную схему.

Латур осуществляет вышеназванную операцию посредством добавления вертикальной оси медиации к горизонтальной оси очищения, как показано на рисунке. Поскольку практики очищения — это *следствие* практик медиации³⁴, разделение на природу и общество, объект и субъект является чистым артефактом.

34. Различение природы и общества появляется уже после того, как появится то, что можно различить (гибрид). Именно поэтому Дэвид Блур в своей критике акторно-сетевой теории называет исходную точку вертикальной оси «истоком» (Блур Д. Анти-Латур // Логос. 2017. № 1. С. 92). На самом деле движение идет в обоих направлениях (что показано двунаправленными стрелками в схеме самого Латура), потому что практики очищения создают ресурсы для новых медиаций — различения, которые можно комбинировать с целью создания новых гибридов.

Что же наполняет мир до этого аналитического разделения? Ответ Латура — гибриды:

Я называю такие гибриды квазиобъектами, поскольку они не занимают ни местоположения объектов... ни положения субъектов и поскольку их невозможно втиснуть в пространство между теми и другими, что превратило бы их в простую смесь, состоящую из природных вещей и социальных символов³⁵.

Здесь появляется понятие *квазиобъекта*, которое и становится для Латура центральным определением объектности. Рассмотрим, что оно собой представляет (рис. 1).

Понятие гибрида наводит на мысль, что квазиобъекты — это странные переплетения природных и социальных отношений. Эта точка зрения поддерживается многочисленными фрагментами в тексте: например, что квазиобъекты «являются одновременно реальными, дискурсивными и социальными. Они принадлежат природе, коллективу и дискурсу»³⁶. Однако Латур ранее уже отказался от идеи смеси, и Харман предостерегает нас от подобного прочтения:

В нашем мире нет *ничего, кроме* гибридов, даже несмотря на то, что слово «гибрид» вводит нас в заблуждение своими ложными смысловыми обертонами смеси двух первоначальных ингредиентов³⁷.

Если квазиобъекты — это не смеси, то что? Снова обратимся к тексту Латура:

Я называю коперниковской контрреволюцией... это скольжение... *заставляющее вращаться и объекты, и субъекты вокруг практики квазиобъектов и медиаторов*. Мы не нуждаемся в том, чтобы привязывать наши объяснения к этим двум чистым формам — объекту или субъекту-обществу, поскольку они, напротив, представляют собой частичные и очищенные *результаты центральной практики, которая одна только нас и интересует*. Эти объяснения — продукт очищающего крекинга, а не первичных материй³⁸.

35. Латур Б. Нового времени не было. С. 119.

36. Там же. С. 131.

37. Harman G. Op. cit. P. 63. Курсив автора.

38. Латур Б. Нового времени не было. С. 149. Курсив мой. — М. Е.

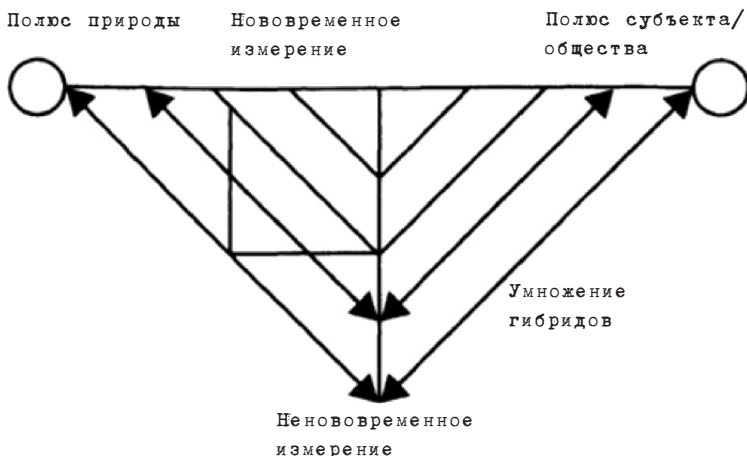

Рис. 1. Практики очищения и медиации³⁹

В этом отрывке речь идет о специфической практике, которая создает природу и общество как средства объяснения. Судя по последнему предложению, это практика очищения⁴⁰. В то же время первая выделенная курсивом фраза говорит о том, что эта практика осуществляется квазиобъектами и медиаторами (*mediators*)⁴¹. Если ничего, кроме гибридов, не существует изначально, значит, и очищение совершается не людьми, а квазиобъектами (квазисубъектами?)⁴². Здесь нет противоречия, если посмотреть на предшествующую процитированному фрагменту страницу. Для Латура различие практик медиации и очищения асимметрично, потому что последние — это всего лишь частный случай первых.

Следовательно, есть только практики медиации, которые характеризуют квазиобъекты. Как ни странно, их содержание проясняется через частный случай практик очищения. В негативном проекте Латура смысл практик медиации раскрывается через то, как

39. Там же. С. 120.

40. Это предложение отсутствует в английском переводе.

41. Здесь используется различие *intermediaries* и *mediators*, которое обычно переводится как *проводники* и *посредники*. В русском переводе «Нового времени не было» оно приобретает вид: *посредники* и *медиаторы*.

42. Любопытно, что в негативной части симметричной антропологии (*Latour B. We Have Never Been Modern*) Латур не делает различия между квазиобъектами и квазисубъектами, тогда как в ее позитивной части (*Idem. An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013) оно снова появляется для описания различий в типах действующих сущностей.

они должны объясняться (описываться)⁴³. В «Пересборке социального» Латур говорит об «обращении причинно-следственной связи», которое необходимо перенести из области исследования науки и технологии на все остальные сферы⁴⁴. Это не приписывание материальным объектам каузальной силы, а тотальное изменение принципа объяснения в социальных науках⁴⁵. Дать объяснение — значит показать, как каждый актер действует на каждого следующего в процессе медиации. Следовательно, суть самой медиации заключается в постоянном влиянии на действия других.

В сущности, подобная концептуализация объекта является негативной, так как определяет объект через то, чем он *не является* (природным или социальным феноменом). При этом сохраняется идея *сходства*, артикулируемая через приставку «квази-» (семантически она передает идею ложного подобия). Тем самым прослеживается связь с концептуализацией объектов как институтов и проектов: объект нельзя отождествить ни с институтом, ни с проектом, но они имеют достаточную степень общности, чтобы можно было поставить между ними дефис. Прагматическое значение такой концептуализации объекта объясняет его неразличимость. Она призвана устранить субъект-объектную схему как таковую и одновременно исключить идею смеси социального и природного (как можно было бы подумать на основании концептуализации объекта как института). Вместо этого она подчеркивает *процесс производства* одновременно человеческого и не-человеческого (что заложено также в концептуализации объекта как проекта). Данная реконструкция позволяет частично ответить на второй вопрос о привилегированном объекте: концептуализация объекта через феномен «квази-» позволяет говорить о материальном и социальном на одном языке (что означает также возможность обратить внимание на роль вещей).

Но при чем здесь технология? В предложенной Латуром модели нововременного разрыва на полюсе природы находятся природные объекты, а на полюсе общества — социальные, но ни те

43. Подобным образом Латур дает определение квазиобъектам через критику объяснительных моделей в науке и философии. См.: *Idem*. We Have Never Been Modern. P. 51–55. Этот раздел («Что такое квази-объект?») отсутствует во французском оригинале и русском переводе «Нового времени не было». См.: Латур Б. Что такое квази-объект? / Пер. с англ. А. Писарева // Сигма. 08.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.

44. *Он же*. Пересборка социального. С. 152.

45. Там же. С. 151.

ни другие не существуют изначально. К чему тогда относится технология? Ведь ее нельзя назвать ни чисто природной, ни чисто социальной. Какое место тогда она занимает в схеме Латура, показанной на рисунке? В работе «Надежда Пандоры» желание избавиться от субъект-объектной дихотомии обосновывается необходимостью говорить о «наложении» (*folding*) людей и не-человеков. А также дается подсказка, что может осуществлять подобное наложение: «Наука и Технология — это то, что *социализирует* не-человеков, чтобы те стали значимыми для человеческих отношений»⁴⁶. Наука и технология оказываются между природой и обществом — в месте, где обитают квазиобъекты.

Тот же вывод делает Латур уже в работе «Нового времени не было»:

Мы можем сохранить Просвещение без Нового времени при условии, что реинтегрируем в Конституцию *объекты науки и техники в качестве квазиобъектов, существующих среди множества других объектов*⁴⁷.

Итак, есть объекты и квазиобъекты (наука и техника), которые движутся по вертикальной оси вверх и в противоположные стороны. Квазиобъекты осуществляют работу медиации, которая является основой разделения на природу и общество. Это означает, что наука и техника производят другие объекты⁴⁸. Таким образом, технологические объекты — это и есть те самые гибриды, которых не доставало современной науке.

На основании вышесказанного можно сформулировать ответ на первый вопрос о привилегированном объекте в АСТ: почему технология является таким объектом? Технология располагается между природой и обществом до их собственного создания. Именно она позволяет избавиться от субъект-объектной дихотомии, которая мешает увидеть процесс производства природы и общества. На данном этапе два вопроса, аналитически разделенные нами, снова сходятся воедино. Технология является привилегированным объектом, потому что позволяет описывать взаимное наложение человеческого и не-человеческого, которое лучше отражает природу нашего мира, чем искусственное его разделение на социальные и природные феномены.

46. Latour B. Pandora's Hope. P. 194. Курсив автора.

47. Латур Б. Нового времени не было. С. 218. Курсив мой. — М. Е.

48. Но не исключает, что сами квазиобъекты могут быть произведены.

Насколько материальны технологии?

При рассмотрении материальности артефактов в АСТ чаще всего подчеркивается их роль в сохранении общества. Например, в статье с характерным названием «Технология — это общество, сделанное долговечным» можно найти следующую формулировку: «Это как если бы мы могли назвать технологию моментом, когда социальные ассамбляжи приобретают стабильность»⁴⁹. Настораживает «как если бы». Почему нельзя просто назвать технологию моментом... и т. д.? Потому что, как следует из проведенного нами анализа, общество еще не существует как стабилизированная сущность. Читаем далее: «Общество и технология — это не две онтологически различные сущности, а, скорее, фазы одного основополагающего действия»⁵⁰. Здесь подчеркивается идея, что как общество, так и технология производятся [практиками медиации]. Это простое пояснение может служить свидетельством того, что статус технологии как привилегированного объекта далеко не так очевиден.

Не стоит забывать, что в АСТ технология всегда концептуализировалась как квазиобъект. Иллюзия «объективности» могла появиться из-за эффекта недостающих масс. Если добавить не-человеков к обществу, мы получим те самые массы, которых недостает в социальной теории⁵¹. Однако, даже если моральные массы общества действительно «осели» в материальных объектах⁵², это еще ничего не говорит о природе технологии. Латур замечает:

Глубина нашего незнания о техниках неизмерима. Мы не способны даже сосчитать их число и уж тем более — сказать, существуют ли они как объекты, или как сборки, или как великое множество последовательностей квалифицированных действий⁵³.

49. Latour B. Technology is Society Made Durable // A Sociology of Monsters / J. Law (ed.). L.; N.Y.: Routledge, 1991. P. 129.

50. Ibidem.

51. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.

52. Latour B. Morality and Technology // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19. № 5–6. P. 247–260.

53. Idem. On Technical Mediation. P. 37–38.

Как ни странно, материальность технологии — не ее конститутивная черта. Материальные объекты — это только поверхностный эффект жизни технологического проекта. Последний же нельзя рассматривать в отрыве от всех стадий его существования: загадка недостающих масс постепенно открывает свою глубину. В частности, Андрей Кузнецов предпринимает увлекательное расследование множественного текста Латура про недостающие массы, чтобы показать, что АСТ — это не учение о материальных объектах⁵⁴. Различение перспектив персонажей, говорящих от лица текста — «технолога» и «Латура», — позволяет ему провести демаркационную линию между материальными объектами и вещами как предметами беспокойства (*matter of concern*), представляющими всю цепь делегирования, начиная от инженерных инсайтов и заканчивая твердостью материи⁵⁵.

Как в таком случае понимается материальность в АСТ? Ответ может быть найден в понятии делегирования (*delegation*). Делегирование предполагает реализацию программы действия (*program of action*) в обход (*detour*) возможных препятствий, однако оно трансформирует само средство выражения, или значение (*meaning*)⁵⁶. Классический латуровский пример — так называемый «лежачий полицейский». Вместо знаков и предупреждений инженеры «вписали» (*inscribe*) программу действия («не превышать скорость») в бетонную плиту. Вместе с этим они трансформировали моральный мотив водителей («не навредить пешеходам») в прагматический («не повредить подвеску автомобиля»). То есть инженеры в буквальном смысле материализовали правила дорожного движения. Это, впрочем, не означает, что АСТ переходит от осмысленных человеческих отношений к принуждающим отношениям материи. Латур утверждает, что для инженеров вписывание в бетон — такая же осмысленная артикуляция правила, как установка дорожного знака или урок ОБЖ. Инженеры сами выбирают, какую фигурацию придать объекту, как писатели выбирают слова для романа⁵⁷.

Следовательно, материальность — одна из *возможных, но не необходимых* фигураций объекта. Также она не является *необходимо*

54. Кузнецов А. Г. Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2015. № 1. С. 55–89.

55. Понятия «объект» и «вещь» имеют значимую для АСТ терминологическую разницу, которая не учитывалась в рамках данной статьи. Анализ этого различия — тема будущей публикации автора.

56. Latour B. On Technical Mediation. P. 29–64.

57. Ibid. P. 39.

достижимой, о чем мы знаем из незавидной судьбы ARAMIS: проект может материализоваться, но может и провалиться, остаться фикцией, превратиться в утопию. Если не материальность определяет природу объектов, то что? Посмотрим, какие характеристики в АСТ стали конститутивными для понимания объектности на основании сравнения технологических и литературных объектов.

Латур часто сравнивает инженеров с писателями. И те и другие занимаются написанием сценариев, только первые вписывают их в объекты, а вторые — в сюжет произведения. Когда я читаю «В тридевятом царстве, в тридесятom государстве», я перемещаюсь (*shift*) в воображаемое место. То же самое происходит, когда я действительно лечу куда-то — перемещение, подразумеваемое создателями. Однако между писателями и инженерами есть принципиальная разница. Как замечает Латур, «переместиться в воображении из Франции на Бали — не то же самое, что лететь в самолете из Франции на Бали»⁵⁸. В воображении можно выбирать между направлениями референции, перемещаясь между всеми делегированными персонажами, каких только ни придумал автор. В случае технологии, материального объекта, такой выбор невозможен — я не могу одновременно лететь в самолете и сидеть в своем кресле дома⁵⁹.

Итак, в рамках АСТ можно определить материальность как форму, помогающую реализовывать вписанную в технические объекты программу действия. Однако то, что произвело это вписывание (инженеры, менеджеры, спонсоры и т. д.), отсутствует при реализации программы действия. В случае же литературного произведения автор может выбирать, присутствовать ему или отсутствовать. Отношения между присутствием и отсутствием (понятия, полученные из анализа технологических объектов как институтов и проектов) становятся конститутивными для определения разного рода объектов.

Это выражается в собирающей формулировке Джона Ло:

58. Ibid. P. 40.

59. Разницу между материальным и виртуальным перемещением можно представить как разницу между фикцией и фабрикацией — различие, появляющееся в последней работе Латура. Для литературы характерно создание фикций, которое позволяет одновременно находиться в нескольких пространствах, временах и персонажах. Для технологии характерно создание фабрикаций, которое, напротив, заставляет делать однозначный выбор: где, когда и кем быть (*Idem. An Inquiry Into Modes of Existence. P. 207–257*).

[Объект — это] *созданная* версия сгущенного присутствия, принимающая форму процесса или сущности, которая проистекает из упорядоченной формы отсутствия и *перedefирует* ее⁶⁰.

То есть отсутствующее определяет форму объектов, но их динамика зависит от действий самих объектов. Инженеры делегировали дверным петлям решение проблемы «внутри/снаружи», но даже доводчик может бастовать. Получается замкнутая петля взаимной трансформации. Сначала объекты приобретают форму (стабилизируются) в результате усилий акторов над уже существующей реальностью⁶¹, которая непосредственно не явлена в ситуации (отсутствует). Затем сформированные объекты оказывают воздействие на уже созданную реальность и тем самым трансформируют ее.

Из этой формулировки видно, что акторно-сетевое понимание объекта расширяется. Это уже не только социотехнические ассамбляжи (специфические сущности), но и процессы, и сущности иного рода (как, например, литературные персонажи). Происходит обращение дефиниции: реальность перестает рассматриваться как состоящая из разного рода объектов; вместо этого объекты начинают рассматриваться как то, что предъявляет реальность, «явленное». Во всех рассмотренных нами концептуализациях объекта используется одна модель анализа, которая может быть выражена через пересечение отношений присутствия и отсутствия. То, что люди обычно распознают как объекты, — это явленное, но на самом деле в объектах в свернутом виде присутствует еще много того, что не явлено. Так исследование объектов постепенно превращается в изучение перераспределения свойств, которыми обмениваются люди и не-человеки. Объекты — это делегированные персонажи, в которых в свернутом виде присутствует все то, что было делегировано.

Таким образом, в акторно-сетевой концептуализации объекты, в том числе технологические, предъявляют реальность. Однако это может осуществляться очень разными способами. Поезд является объектом, но и катастрофа, в которой происходит столкновение поездов, также является объектом. Ло пишет:

60. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 326. Курсив мой. — М. Е.

61. Ло называет ее хинтерландом (*hinterland*), то есть «внутренним районом», ядром, на которое наслаивается деятельность.

Итак, катастрофа — это объект... хотя она не принимает форму утверждений о реальности, если мы будем читать между строк кровопролития, она непрямым образом изображает, реализует и предъявляет некоторую реальность⁶².

В результате понимание объекта расширяется до предела. Объектом может быть и технология как материальное воплощение проекта, и сам проект как совокупность последовательных процессов, и неудача этого проекта, и текст, и идея, и т. д. Все они определенным образом предъявляют какую-то реальность. Получается, в АСТ объекты не описываются по модели технологии. Вместо этого технологические объекты анализируются ровно таким же способом, что и любые другие объекты. Следовательно, технология не является привилегированным объектом даже несмотря на то, что она занимает срединное положение между полюсами природы и культуры (см. рис. 1). Технологии не только осуществляют медиацию, но и сами являются ее продуктом. Сама логика медиации становится моделью для анализа, что выражается в рассмотрении всей цепочки отношений между людьми и не-человеками. В этой динамике отношений происходит постоянное перераспределение присутствующего и отсутствующего, заложенное в понятия делегирования, перевода, опосредования.

В то же время технология отличается специфическим характером распределения присутствия и отсутствия, который в «Исследовании модусов существования» характеризуется определенной формой невидимости (*invisibility*). Технологии явлены только своей очень маленькой частью, а именно технологическими объектами; остальное же остается скрытым, что создает иллюзию материальности. Но материальность, как мы уже говорили, не есть конститутивная черта технологии: технологические объекты необходимо рассматривать вместе с их траекториями и компонентами. Проблема заключается в том, что все явленное наблюдателю — это технологические объекты, представляющие собой специфические отпечатки траектории, направление которой необходимо реконструировать шаг за шагом:

Чтобы научиться вступать в отношения с сущностями технологии, мы, следовательно, должны... пойти в обратном направлении: от вещей к движению, которое их трансформировало и для

62. Там же. С. 198, 203.

которого они всегда не более чем промежуточная часть траектории, чей след (*signature*) уникален⁶³.

Представленная в данном фрагменте концептуализация полностью соответствует концептуализации объекта как траектории. В таком случае объект понимается как событие⁶⁴. Траектории состоят из событий, и технологический объект может стать таковым, а может и не стать. Технология определяется тем, что объекты присутствуют, а их отношения и компоненты отсутствуют (если мы анализируем компоненты объектов в таком ключе, мы приходим к понятию «черного ящика»), то есть присутствуют в свернутом виде: «все здесь, но, несмотря на это, *ничто не видно*»⁶⁵. Не материальность объектов характеризует технические сущности, а специфическая форма присутствия/отсутствия.

Заключение

Что происходит с пониманием объекта в АСТ? На этапе исследований науки в АСТ под объектом понимается технология, социотехнический ассамбляж. Отличительной чертой технологии является специфическое соотношение того, что присутствует, и того, что отсутствует. Как правило, в ситуации непосредственного наблюдения присутствует материальный объект (хотя он тоже может исчезать, когда технология становится привычной), но его работа становится возможной благодаря отсутствующей [для наблюдения] системе отношений между его создателями и пользователями. Эта характеристика, обнаруженная при анализе технологических объектов, начинает распространяться на другие сферы. Это приводит к тому, что онтологический статус объекта постепенно утрачивается. Если экстраполировать высказывание Латур об *ARAMIS*, объекты не существуют в достаточной степени; то, что на самом деле существует, — это перераспределение отношений между присутствием и отсутствием.

Напомним, что АСТ появляется как авангард поворота к материальному с программой социологии, ориентированной на объ-

63. Latour B. An Inquiry Into Modes of Existence. P. 222.

64. Любопытно, что в данном фрагменте Латур использует для описания траектории то же слово, которое он использовал для описания события в книге «Нового времени не было», — «подпись» (*signature*), которое мы для согласованности с существующим русскоязычным переводом перевели как «след».

65. Ibidem. Курсив автора.

екты. Только вещи, как оказалось, не совсем материальны. После практически моментальной дематериализации объектов в АСТ происходит постепенное растворение объектности. Оно достигает своего апогея в философской части АСТ — разработке антропологии ненововременных. В этом проекте раскрывается замысел «ориентации на объекты». Объекты интересны из-за того, что предъявляют реальность. Даже технологии интересуют АСТ лишь потому, что показывают те системы отношений, которые позволяют им скреплять общество. Ставка на объекты носит инструментальный характер. Они необходимы как теоретический ход, который поможет избавиться от дихотомии между объектом и субъектом. Так возникает феномен «квази-»: социология ориентирована на объекты, но это не-совсем-объекты, квазиобъекты, они же квазисубъекты.

Можно сделать вывод, что обращение причинно-следственной связи, которое АСТ «пыталась зафиксировать вначале в отношении науки и технологии, а затем в отношении любой другой сферы»⁶⁶, не означает переноса на них логики технологии (по крайней мере сознательного). Оно предполагает изменение принципа социального объяснения: вместо поиска причин, которые могут быть перенесены на другие объекты или процессы, необходимо проследивать, как акторы связываются между собой в каждой конкретной ситуации. Можно утверждать, что технология является причиной устойчивости общества, а можно показывать, как технологические объекты встраиваются в отношения между людьми. АСТ отдает предпочтение второму варианту. Описания социологов должны соответствовать процессам медиации, которые являются ничем иным, как связыванием действий различных акторов, в результате которого появляется эффект «социального».

Подведем итоги. Поскольку АСТ в первую очередь обратила внимание на науку и технологию, универсальные характеристики объектности были выведены из рассмотрения технологических объектов как проектов и институтов. Затем они были обобщены в понятиях события и траектории и помещены в историко-философскую рамку анализа мышления и практик людей Нового времени. Эта особенность позволила, с одной стороны, расположить АСТ в центре поворота к материальному, потому что она пыталась выдать за недостающие массы социологии материальные технологические объекты. С другой стороны, она растворила материальность этих объектов в их отношениях с другими элементами

66. Латур Б. Пересборка социального. С. 152.

социального мира, потому что недостающими массами являлась вся цепь опосредований целиком.

Библиография

- Hansen M. *Embodying Technesis*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.
- Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re.press, 2009.
- Latour B. *An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
- Latour B. *Aramis, Or the Love of Technology*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1996.
- Latour B. *Morality and Technology // Theory, Culture & Society*. 2002. Vol. 19. № 5–6. P. 247–260.
- Latour B. *Nous n'avons jamais été modernes*. P.: La Découverte, 1991.
- Latour B. *On Technical Mediation // Common Knowledge*. 1994. Vol. 3. № 2. P. 29–64.
- Latour B. *Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Technology is Society Made Durable // A Sociology of Monsters / J. Law (ed.)*. L.; N.Y.: Routledge, 1991. P. 103–131.
- Latour B. *Trains of Thought: Piaget, Formalism and the Fifth Dimension // Common Knowledge*. 1997. Vol. 6. № 3. P. 170–191.
- Latour B. *We Have Never Been Modern*. N.Y.: Harvester, 1993.
- Latour B. *Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts // Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change / W. Bijker, J. Law (eds)*. Cambridge: MIT Press, 1992. P. 225–258.
- Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*. Ropley: Zero Books, 2011.
- Latour B., Yaneva A. *Give Me a Gun and I Will Make All Buildings Move // Explorations in Architecture / R. Geiser (ed.)*. Basel: Birkhaeuser, 2008. P. 80–89.
- Law J. *Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience*. Durham NC: Duke University Press, 2002.
- Pierides D., Woodman D. *Object-Oriented Sociology and Organizing in the Face of Emergency // The British Journal of Sociology*. 2012. Vol. 63. №4. P. 662–679.
- Woolgar S. *The Turn to Technology in Social Studies of Science // Science, Technology, & Human Values*. 1991. Vol. 16. № 1. P. 20–50.
- Блур Д. *Анти-Латур // Логос*. 2017. Т. 27. № 1. С. 85–131.
- Вахштайн В. С. «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // *Социология власти*. 2015. № 1. С. 8–16.
- Вахштайн В. С. *К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция // Логос*. 2013. № 2 (92). С. 3–37.
- Вахштайн В. С. *Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос*. 2017. Т. 27. № 1. С. 41–78.
- Ерофеева М. А. *Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти*. 2015. № 1. С. 17–36.
- Константинова М. В. *Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий // Социология власти*. 2015. № 1. С. 90–107.
- Кузнецов А. Г. *Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти*. 2015. № 1. С. 55–89.

- Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
- Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Латур Б. Что такое квази-объект? // Сигма. 08.06.2015. URL: <http://syg.ma/@aliekssandr-14/bruno-latur-o-kvazi-objektakh>.
- Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. № 1. С. 108–121.
- Степанцов П. М. Теоретические стратегии исследования социального действия: каузальное объяснение vs понимание смысла // Социология власти. 2015. № 4. С. 15–50.
- Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229–248.

ACTOR-NETWORK THEORY: AN OBJECT-ORIENTED SOCIOLOGY WITHOUT OBJECTS?

MARIA EROFEEVA. Senior Research Fellow, International Center for Contemporary Social Theory, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES); Research Fellow, Center for Sociological Research, malutcacnos@gmail.com.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 84 Vernadskogo ave., 119571 Moscow, Russia.

Keywords: actor-network theory; object-oriented sociology; object-oriented ontology; material turn; object; technology; Bruno Latour; Graham Harman.

This article compares different ways of conceptualizing the object in actor-network theory (ANT). Contrary to Graham Harman, the author argues that ANT considers objects as trajectories, and their material realizations as events. This allows us to speak of the sameness of an object. The interpretation of objects proposed here is connected with the conceptualization of objects as institutions and projects, which one can read about in ANT studies of socio-technical artefacts. Different phases of a project represent different forms of the existence of an object, which brings about an object-institution, i.e. technology embedded in collective life. The institution and the project represent actantial and temporal dimensions of delegation respectively, i.e. the ability to act while being absent (in the article this is called “a folded presence in an object”). In this conceptualization, objects have a relational being.

In order to find a pattern for analyzing all kinds of objects particular to ANT, the author turns to the problem of technology as “a privileged object.” Drawing on the works of Bruno Latour on the anthropology of the moderns, it is demonstrated that technological objects are hybrids (quasi-objects) which produce other kinds of objects (natural and social), and therefore can be seen as privileged. At the same time, the article stresses that the constitutive feature of technologies is not materiality, but rather the specificity of the folded presence, which makes only technological objects visible, while technology itself is invisible. The author concludes that technology cannot be considered as a privileged object; instead, ANT uses a relational pattern of describing how actions of different actors are connected in order to analyze them.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-83-109

References

- Bloor D. Anti-Latur [Anti-Latour]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 27, no. 1, pp. 85–131.
- Erofeeva M. Aktorno-setevaia teoriia i problema sotsial'nogo deistviia [Actor-Network Theory and the Problem of Social Action]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 17–36.
- Hansen M. *Embodying Technesis*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 2000.
- Harman G. Gosudar' setei: Bruno Latur i metafizika [Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 4 (100), pp. 229–248.
- Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne, re.press, 2009.
- Konstantinova M. V. Metonimicheskii povorot. Sotsiologiya veshchei protiv sotsiologii tekhnologii [Metonymical Turn. Sociology of Things vs Sociology of

- Technologies]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 90–107.
- Kuznetsov A. Latur i ego “tekhnolog”: veshchi, ob”ekty i tekhnologii v aktorno-setevoi teorii [Latour and his “Technologist”: Things, Objects and Technology in Actor-Network Theory]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 55–89.
- Latour B. *An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013.
- Latour B. *Aramis, Or the Love of Technology*, Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 1996.
- Latour B. Chto takoe kvazi-ob”ekt? [What Is a Quasi-Object?]. *Sygma*, June 8, 2015. Available at: <http://syg.ma/@aliexsandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.
- Latour B. Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the Missing Masses? Sociology of a Door]. *Sotsiologiya veshchei* (ed. V. S. Vakhstain), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 199–222.
- Latour B. Morality and Technology. *Theory, Culture & Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 247–260.
- Latour B. *Nous n'avons jamais été modernes*, Paris, La Découverte, 1991.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Latour B. On Technical Mediation. *Common Knowledge*, 1994, vol. 3, no. 2, pp. 29–64.
- Latour B. *Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
- Latour B. Technology is Society Made Durable. *A Sociology of Monsters* (ed. J. Law), London, New York, Routledge, 1991, pp. 103–131.
- Latour B. Trains of Thought: Piaget, Formalism and the Fifth Dimension. *Common Knowledge*. 1997, vol. 6, no. 3, pp. 170–191.
- Latour B. *We Have Never Been Modern*, New York, Harvester, 1993.
- Latour B. Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* (eds W. Bijker, J. Law), Cambridge, MIT Press, 1992, pp. 225–258.
- Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*, Ropley, Zero Books, 2011.
- Latour B., Yaneva A. Give Me a Gun and I Will Make All Buildings Move. *Explorations in Architecture* (ed. R. Geiser), Basel, Birkhaeuser, 2008, pp. 80–89.
- Law J. *Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience*, Durham NC, Duke University Press, 2002.
- Law J. Ob”ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30–42.
- Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'nai nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Napreenko I. V. Delegirovanie agentnosti v kontseptsii Bruno Latura: kak sobrat' gibridnyi kollektiv kiborgov i antropomorfov? [Delegation of Agency in the Concept of Bruno Latour: How to Build Up a Heterogeneous Collective of Cyborgs and Anthropomorphs?]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 108–121.

- Pierides D., Woodman D. Object-Oriented Sociology and Organizing in the Face of Emergency. *The British Journal of Sociology*, 2012, vol. 63, no. 4, pp. 662–679.
- Stepantsov P. M. Teoreticheskie strategii issledovaniia sotsial'nogo deistviia: kauzal'noe ob"iasnenie vs ponimanie smysla [Theoretical Strategies of Studying Social Action: Causal Explanation vs Meaning Understanding]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 4, pp. 15–50.
- Vakhshayn V. S. "Povorot k material'nomu": tridtsat' let spustia ["The Material Turn": Thirty Years After]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, no. 1, pp. 8–16.
- Vakhshayn V. S. K mikrosotsiologii igrushek: stsenarii, afordans, transpozitsiia [Towards a Microsociology of Toys: Inscription, Affordance, Transposition]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2013, no. 2 (92), pp. 3–37.
- Vakhshayn V. S. Revoliutsiia i reaktsiia: ob istokakh ob"ektno-orientirovannoi sotsiologii [Revolution and Reaction: About the Roots of Object-Oriented Sociology]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 27, no. 1, pp. 41–78.
- Woolgar S. The Turn to Technology in Social Studies of Science. *Science, Technology, & Human Values*, 1991, vol. 16, no. 1, pp. 20–50.